

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию

Орский гуманитарно-технологический институт (филиал)
Государственного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Оренбургский государственный университет»

И. А. Шебалин

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ (1917 – начало 1990-х гг.)

*Утверждено редакционно-издательским советом ОГТИ
в качестве учебного пособия*

Орск 2010

Игорь Шебалин

**Советская историография
отечественной истории
(1917 – начало 1990-х гг.)**

«БИБКОМ»

2010

УДК 930.1(09)
ББК 63

Шебалин И. А.

Советская историография отечественной истории (1917 – начало 1990-х гг.) / И. А. Шебалин — «БИБКОМ», 2010

С точки зрения современных представлений историография представляет собой историю исторической науки, которая определяет и изучает закономерности развития исторического знания на разных этапах, воздействие на него внутренних и внешних факторов, выясняет механизм складывания, утверждения тех или иных исторических концепций. На этой базе анализируется современное состояние исторической науки, делается прогноз ее развития в ближайшем будущем.

УДК 930.1(09)
ББК 63

© Шебалин И. А., 2010
© БИБКОМ, 2010

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
1. УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ И ОРГАНИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1917-1931 гг.)	7
1.1. Становление марксистского направления в отечественной историографии	8
1.2. Буржуазная историческая наука	11
1.3. Мелкобуржуазная историческая наука	13
2. ИЗУЧЕНИЕ ПРОБЛЕМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ В 1917 – НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ	14
2.1. Разработка проблем докапиталистической эпохи	14
2.2. Проблемы капитализма и империализма в истории России	16
2.3. Разработка проблем освободительного движения	18
2.4. Изучение советского периода истории России	20
3. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В 30-Е ГГ	24
3.1. Историческая наука в условиях сталинского тоталитарного режима	24
3.2. Изучение дореволюционной истории России	28
3.3. Проблемы истории советского периода	30
4. ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945 ГГ.)	33
4.1. Организационно-структурная перестройка исторической науки	33
4.2. Военно-патриотическая работа историков	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

И. А. Шебалин

Советская историография отечественной истории (1917 – начало 1990-х гг.)

ВВЕДЕНИЕ

С точки зрения современных представлений историография представляет собой историю исторической науки, которая определяет и изучает закономерности развития исторического знания на разных этапах, воздействие на него внутренних и внешних факторов, выясняет механизм складывания, утверждения тех или иных исторических концепций. На этой базе анализируется современное состояние исторической науки, делается прогноз ее развития в ближайшем будущем. Историография как история исторической науки включает в себя изучение:

- 1) организационной структуры исторической науки, деятельности определенных исторических учреждений, журналов, неформальных объединений историков и т. п.;
- 2) научных школ, течений и направлений, возникновение и развитие которых обусловлено единством основных взглядов той или иной группы историков, общностью или преемственностью принципов и методов их работы;
- 3) истории жизни и деятельности отдельных ученых, трудам которых историческая наука обязана своим становлением, развитием и изучением всех ее проблем и аспектов;
- 4) отдельных этапов развития науки с выделением наиболее важных и характерных компонентов, взятых во взаимосвязи и взаимозависимости.

Представляется целесообразным подходить к советской историографии как к *феномену*, который нужно изучать «в двух разных, хотя и взаимосвязанных измерениях: первое – место, роль и основные функции исторической науки в советском обществе; второе – внутренняя жизнь и состояние самой науки, ее структура, правила, предпочтения, тематика, методики, стиль» (Советская историография. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т., 1996. – С. 9.).

При составлении учебного пособия использовался опыт имеющихся работ, написанных в постсоветский период. В большинстве из них применяется универсальная внутренняя структура глав и периодов. Она включает, как правило, следующие компоненты:

- условия развития и организационные изменения исторической науки в соответствующий период;
- изучение проблем дореволюционной отечественной истории;
- достижения в исследовании истории советского периода.

Особое внимание в пособии уделяется дискуссиям в исторической науке и характеристике фундаментальных работ: монографий, многотомников, а также новых учебников. Это дает возможность заострять внимание на тех проблемах, которые были в центре внимания дореволюционной историографии: образование древнерусского и Московского централизованного государства, феодализация русского общества, опричнина Ивана Грозного, реформы Петра I, формирование абсолютизма, внешняя политика России и т. д.

При использовании лекционного курса нужно иметь в виду, что изложенный материал не может дать исчерпывающих знаний по курсу, а лишь закладывает фактологическую

основу, которая нуждается в постоянном обновлении и переосмыслении в связи с развитием историографии как научной дисциплины.

1. УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ И ОРГАНИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1917-1931 гг.)

Развитие отечественной исторической науки в первое десятилетие советской власти можно условно разделить на два этапа, соглашаясь в принципе с периодизацией, предложенной зарубежными историками С. Томпкинсом и А. Мазуром. *Первый этап* охватывает годы гражданской войны и иностранной военной интервенции (1917-1920 гг.) и характеризуется практическим отсутствием серьезных исследовательских работ и свертыванием большинства научных изысканий. *Второй этап* ограничен периодом НЭПа (1920-1928 гг.) и приурочен к началу ожесточенной полемики историков оформляющегося марксистского направления с исследователями старой школы, которых принято называть буржуазными и мелкобуржуазными. *Третий этап* внутри первого периода истории отечественной науки в советское время датируется 1928-1931 гг. Он связан с окончательным разгромом немарксистской историографии в России, достаточно четко наметившимся кризисом марксистского понимания истории и началом процесса унификации исторического знания.

В 1920-е гг. организационная структура отечественной исторической науки была представлена двумя группами учреждений:

1) центры нового типа: Социалистическая (Коммунистическая) академия, Институт Красной профессуры (ИКП), Институт К. Маркса и Ф. Энгельса, Институт Ленина, Музей революции, созданные Коммунистической партией для реализации партийных задач, марксистские по характеру;

2) центры старого типа, сложившиеся до 1917 г. (университеты, Археографическая комиссия, Исторический музей, Историческое общество, гуманитарные институты Академии наук) или в первые годы советской власти (ГАИМК, Институт истории РАНИОН). Они были автономны по своим целям и задачам и свободны от марксистского влияния в выборе тематики исследований.

1.1. Становление марксистского направления в отечественной историографии

В марксистской историографии первого десятилетия советской власти складывалась довольно сложная обстановка, обусловленная множественностью интерпретаций марксизма. Первое его осмысление применительно к российской действительности принадлежит В. И. Ленину, которого по праву считают основоположником советской исторической науки. Он не был профессиональным историком, но многие его труды историчны. В ряде случаев им были высказаны оценки явлений истории, ставшие на многие годы основой для изысканий марксистских историков.

Ленинские взгляды на историю России включили в себя немногочисленные оценки феодального периода истории и более или менее разработанную схему истории XIX – начала XX в.

Из проблем дооктябрьской истории России В. И. Ленин наибольшее внимание уделял империализму. Именно им был сделан вывод о наличии в России государственно-монополистического капитализма, который является «полнейшей *материальной* подготовкой социализма».

Детально разработал В. И. Ленин историю возникновения и развития РСДРП(б). Им была высказана мысль о полувековых поисках передового учения в России. Возникновение большевизма как течения политической мысли и как политической партии он датировал 1903 г. История партии рассматривалась им в единстве с историей рабочего движения. Ленин углубил мысль о месте и значении первой русской революции, указав, что «...без «генеральной репетиции» 1905 года победа Октябрьской революции 1917 года была бы невозможна». Им же была развита мысль о Декабрьском вооруженном восстании 1905 г. как высшем пункте развития революции.

В. И. Ленин стал основным историком первых лет диктатуры пролетариата, предложив собственную трехэтапную периодизацию событий. Он выделил период с 25 октября 1917 г. по 5 января 1918 г.

как время довершения буржуазно-демократической революции, а главное – время упрочения советской власти. В качестве второго этапа В. И. Ленин выделил Брестский мир, затем – этап гражданской войны от чехословаков и «учредителей» до Врангеля (1918-1920 гг.) и, наконец, этап перехода к мирному строительству в 1921 г.

Ленинская концепция истории России явилась исходным пунктом последующих построений марксистских историков и обществоведов, которые стали предлагать свою интерпретацию не только марксизма, но и ленинизма. При этом широкое развитие получило цитатничество, допускалось использование высказываний В. И. Ленина, относящихся к истории одной эпохи, для характеристики другой. Историки не всегда проводили грань между мыслями, обусловленными генеральной направленностью того или иного сочинения, и идеями «случайными», которые также возводились в ранг абсолютной истины.

Следом за В. И. Лениным свое толкование истории России предложил Л. Д. Троцкий. По мнению его биографа И. Дойчера, «исторические сочинения Троцкого диалектичны до такой степени, что в марксизме подобного не видывали со времен Маркса, от которого Троцкий заимствовал свой метод и стиль» (Дойчер, И. Троцкий в изгнании / И. Дойчер. – М., 1991. – С. 275). Он же считает, что Троцкий – единственный гениальный историк среди марксистов.

Основное внимание при разработке собственной концепции Л. Д. Троцкий уделил особенностям исторического развития России. По его мнению, вынужденная развиваться под экономическим и военным давлением Запада, Россия не могла пройти через все фазы «клас-

сического» цикла западноевропейского прогресса. Она не могла провести собственную реформу или буржуазную революцию под руководством буржуазии. Отсталость страны заставляла ее стремительно продвигаться политически к уровню, достигнутому Западной Европой, и за ним – к социалистической революции. Слабая русская буржуазия была неспособна сбросить с себя бремя полуфеодального абсолютизма, но в тандеме с рабочим классом, поддержанным мятежным крестьянством, она стала революционной силой. Рабочий класс не мог удовлетвориться установлением буржуазной демократии и стал бороться за реализацию социалистической программы. Таким образом, в силу «закона комбинированного развития» крайняя отсталость имела тенденцию соединиться с крайним прогрессом, что и привело к взрыву 1917 г.

Особую роль Л. Д. Троцкий отводил роли личности в истории.

Его детерминистский взгляд на исторический процесс позволил относиться ему к политическим противникам не свысока, а объективно. Он, как правило, не квалифицировал врагов большевизма как коррумпированных и гнусных людей. Примером может служить историческая характеристика, данная Николаю II: «Николай II унаследовал от своих предков не только гигантскую империю, но и революцию. Они не оставили ему в наследство ни одного качества, которое дало бы ему возможность управлять империей, губернией или даже уездом. Историческому паводку, каждый вал которого подкатывался все ближе к воротам его дворца, наследник Романов противопоставлял лишь немое безразличие».

Историческая концепция Л. Д. Троцкого была подвергнута резкой критике и не породила направления в исторических исследованиях. Однако ее воздействие на историографическую ситуацию 20-х гг. несомненно. Оно проявилось хотя бы в том, что возникла целая школа историков и обществоведов, которая специализировалась на критике работ Л. Д. Троцкого и борьбе с троцкизмом.

Свою интерпретацию истории России на базе марксизма в 20-е гг. предложил М. Н. Покровский. Относительно его роли и места в развитии исторической науки существует несколько точек зрения, среди которых можно выделить две диаметрально противоположные. *Первая* сводится к его характеристике как существенного видного историка-большевика 20-30-х гг., обладающего безграничной, диктаторской властью над исторической наукой и ответственного за преследования буржуазных историков. М. Н. Покровскому приписывается, по сути дела, незавидная роль «передаточного рычага» между партийно-государственной машиной и сферой исторической науки. *Второе* мнение апологетическое.

М. Н. Покровский был последним историком, пытавшимся осмыслить историю России в целом. Однако, с профессиональной точки зрения, предложенная им концепция достаточно уязвима, так как при ее создании автор выступал как компилятор, а не исследователь.

В концентрированном виде концепция М. Н. Покровского была изложена в «Русской истории в самом сжатом очерке», первые две части которой увидели свет в 1920-е гг. и были высоко оценены В. И. Лениным. Историческая схема М. П. Покровского проникнута пафосом отрицания теории надклассового государства и исключительности пути России. Считается, что ему принадлежит фраза: «История – это политика, опрокинутая в прошлое». И хотя авторство отрицается рядом исследователей, однако оно несомненно. В трудах М. Н. Покровского мы находим подобную характеристику работ буржуазных историков. А его многочисленные ученики уже при жизни учителя и без возражений с его стороны использовали эту мысль для описания исторической науки в целом, что позволяет считать ее заостренной формулировкой взглядов самого М. Н. Покровского. Кроме того, М. Н. Покровский, выступая 8 декабря 1930 г. на партийном собрании Института истории Комкадемии, заявил: «Борьба на историческом фронте есть борьба за генеральную линию партии. Положение «история – политика, обращенная в прошлое» означает собой, что всякая историческая схема есть звено, цепочка для нападения на генеральную линию партии. Существует

самая тесная связь между борьбой за генеральную линию партии и борьбой на историческом фронте. Их нельзя разрывать. Трудно себе представить такую вероятность, что сторонник генеральной линии партии является ревизионистом в исторических работах. История ... не есть самодовлеющая задача, история – величайшее орудие политической борьбы; другого смысла история не имеет» (Артизов, А. Н. Критика М. Н. Покровского и его школы / А. Н. Артизов // История СССР. – 1991. – № 1. – С. 106). По сути дела, М. Н. Покровский призывал к прямому подчинению исторических исследований требованиям партии. Попытки критики М. Н. Покровского предпринимались еще в 20-е гг. (А. Н. Слепков, С. Г. Томсинский, В. Н. Рахметов), однако в условиях незыблемого авторитета ученого как руководителя советской исторической науки они не получили развития.

Организационное оформление марксистского сектора российской историографии связано с возникновением исследовательских учреждений и учебных заведений нового типа. Среди них – Социалистическая академия общественных наук (1918 г.), Институт К. Маркса и Ф. Энгельса (1921-1922 гг.), Истпарт (1920 г.) и т. д. Наибольший интерес представляют Институты Красной профессуры, деятельность которых была наиболее плодотворной в научном плане.

Идея создания специального центра для подготовки марксистских кадров обществоведов и историков была выдвинута на 1-м совещании по народному образованию (декабрь 1920 – январь 1921 г.) и нашла воплощение в декрете СНК РСФСР от 11 февраля 1921 г. На его основании в Москве и Петрограде и были созданы Институты Красной профессуры, в которых сложился новый тип учебного заведения при сочетании теоретико-методологической подготовки и проработки отдельных тем в рамках научно-исследовательских семинаров по истории. Ядро педагогических коллективов составляли старые большевики и первые ученые-марксисты (В. В. Адоратский, В. П. Волгин, В. И. Невский, М. Н. Покровский, Е. М. Ярославский и др.). Часто приглашались видные партийные руководители (Н. И. Бухарин, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев). Основным принципом подбора слушателей ИКП была политика пролетаризации, ставшая причиной глубокого кризиса организаций на рубеже 20-30-х гг. У большинства выпускников отсутствовали прочные систематические знания по истории, многие усвоили лишь общесоциологические формулировки. ИКП выступили инициаторами дискуссий о Советах в революции 1905-1907 гг., о характере финансового капитала в России и о двух путях развития капитализма в сельском хозяйстве, о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую и так далее, однако точки зрения немарксистски настроенных историков в их ходе априорно отвергались и расценивались как идеологически вредные.

Сформированные большевиками в 20-е гг. исторические учебные заведения наряду со способными и нестандартно мыслящими историками выпустили значительный отряд малокомпетентных в профессиональном отношении людей, которые оказали негативное воздействие на последующее развитие исторической науки в стране. Именно ими был привнесен дух воинствующего догматизма и интеллектуальной нетерпимости.

К концу 20-х гг. на фоне меняющейся общественно-политической ситуации в марксистском секторе российской историографии сложилась достаточно негативная ситуация, которая характеризовалась изоляцией от лучших достижений немарксистского обществоведения. Наметились тяга к отвлеченному схоластическому теоретизированию, подмена интеллектуальной аргументации обвинениями идеологического порядка. Начался процесс унификации и догматизации марксистской исторической науки. В среде историков-марксистов стали раздаваться требования «чистоты марксизмаленинизма», «идейной выдержанности». Складыванию подобной ситуации способствовала борьба за лидерство между группировавшимися вокруг М. Н. Покровского и Е. М. Ярославского историками.

1.2. Буржуазная историческая наука

Российская буржуазная историческая наука в массе своей негативно встретила установление диктатуры пролетариата. Уже в ноябре 1917 г. один из крупнейших ее представителей, академик А. С. Лаппо-Данилевский обратился с воззванием, в котором говорилось о «великом бедствии», постигшем Россию, о непризнании советской власти и необходимости поддержки Учредительного собрания. С антибольшевистскими заявлениями выступила профессура Московского, Казанского, Харьковского и других университетов.

Октябрьская революция привела к массовому выезду из России цвета буржуазной исторической науки. Уже в 1917 г. страну покинули профессор Томского университета С. О. Гессен (1887-1950) и будущий профессор Гарварда М. М. Карпович (1888-1959). В 1918 г. Советскую Россию покинули преподаватель Петроградского политехнического института П. А. Остроухов (1885-1965), известный исследователь античности, в будущем профессор Йельского университета М. П. Ростовцев (1870-1952). В 1919 г. выехали киевский профессор Д. И. Дорошенко (1882-1951), исследователь истории церкви, бывший министр Временного правительства А. В. Карташев (1875-1960). Резко увеличился потолок эмигрантов в 1920 г. (Н. Н. Алексеев, Н. А. Баумгартен, Г. В. Вернадский, И. Н. Голенищев-Кутузов, К. И. Зайцев, В. В. Зеньковский, М. В. Зызыкин, Е. П. Ковалевский, Н. П. Кондаков, П. Н. Милуков, А. Л. Погодин, М. Г. Попруженко, В. А. Розов, А. В. Соловьев, Г. В. Флоровский и др.).

В какой-то мере этапным событием в складывании российской исторической школы за рубежом был так называемый «философский пароход». Сообщение о готовящейся высылке буржуазных ученых появилось в «Правде» 31 августа 1922 г. Однако еще до этого в Москве, Петрограде, Киеве и других местах были проведены аресты. Кандидатуры на высылку намечались В. И. Лениным. Общее число высланных по одним данным составило 50-60 человек, по другим – 300. Среди них ученые-историки: профессор Московского университета А. А. Кизеветтер (1866-1933), профессор Новороссийского университета А. В. Флоровский (1884-1968), профессор Петроградского университета и Александровского лицея В. А. Мякотин (1867-1937) и др. Одновременно были высланы яркие представители философской мысли – И. А. Бердяев, С. Л. Франк, С. Н. Булгаков, Ф. А. Степун, Б. П. Вышеславцев, П. И. Лапшин, И. А. Ильин, Л. П. Карсавин, А. С. Изгоев, С. Н. Трубецкой – ученые, труды которых в значительной степени лежали в основе методологии отечественной исторической науки.

Характеризуя эмиграцию, известный историк барон В. Э. Нольде писал: «С библейских времен не бывало такого Грандиозного «исхода» граждан страны в чужие пределы. Из России ушла не маленькая кучка людей, группировавшихся вокруг опрокинутого жизнью мертвого принципа, ушел весь цвет страны, все те, в руках кого было сосредоточено руководство ее жизнью, какие бы стороны этой жизни мы ни брали. Это уже не эмиграция русских, а эмиграция России...» (Мухачев, Ю. В. Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР / Ю. В. Мухачев. – М., 1982. – С. 42-43).

Таким образом, в начале 20-х гг. за пределами России оказалась большая группа историков и обществоведов, составлявших цвет отечественной исторической науки. Они продолжили разработку интересующих их проблем и тем самым заложили основы будущей западноевропейской и американской «русистики» и «советологии».

Помимо историков, покинувших Россию или высланных из нее, существовала значительная группа исследователей, которые попытались приспособиться к марксистской идеологии и социальной практике большевиков. Однако подобная «адаптация» шла чаще всего формально и носила чисто внешний характер. И именно эта группа историков наиболее активно противостояла губительным тенденциям, которые несли в науку марксистские школы, в частности, М. Н. Покровского.

Немарксистская историческая наука в России в 20-е гг. развивалась в чрезвычайно сложных условиях. Со стороны большевистского правительства были предприняты шаги по реорганизации ее традиционных центров. Фактически было ликвидировано университетское историческое образование, и вместо исторических факультетов в университетах были созданы факультеты общественных наук. В 1921 г. СНК принял декрет, установивший обязательный минимум преподаваемых здесь предметов: 1) развитие общественных форм; 2) исторический материализм; 3) пролетарская революция; 4) политический строй РСФСР; 5) организация производства и распределения в РСФСР; 6) план электрификации РСФСР. Не менее тяжелая обстановка сложилась в Академии наук, историческое отделение которой начало сотрудничать с новой властью, лишь спасая исторические архивы и библиотеки. При этом историки руководствовались мыслью академика С. Ф. Платонова о необходимости служения народу и России.

Ученые-немарксисты довольно часто вступали в полемику с начинающей господствовать марксистской историографией. Тот же С. Ф. Платонов обратился к изучению петровского времени и характеризовал Петра I как «неподкупного и сурово-честного работника на пользу общую». Тем самым он противопоставлял свою оценку официальной, представляющей императора в виде «грязного и больного пьяницы, лишенного здравого смысла и чуждого всяких приличий».

К концу 20-х гг. наметилось явное ужесточение политики правительства по отношению к буржуазным историкам. Своего апофеоза оно достигло в ходе «дела историков». Поводом к нему послужило обнаружение в библиотеке АН подлинных экземпляров манифестов об отречении Николая II и его брата Михаила. В 1930 г. был арестован академик С. Ф. Платонов, следом его друзья и ученики: А. И. Заозерский, А. И. Андреев, С. В. Рождественский. Вскоре за ними последовали профессора Б. А. Романов, В. Г. Дружинин, П. Г. Васенко, М. Ф. Приселков, академики Е. В. Тарле и Н. П. Лихачев. Позднее были арестованы академик М. К. Любавский, члены-корреспонденты АН Ю. В. Готье, Д. Н. Егоров, А. И. Яковлев, профессора С. В. Бахрушин, В. И. Пичета и др. Всего по «делу историков» проходило 115 человек.

Несмотря на «мягкий» приговор, именно «дело историков» ознаменовало собой фактический разгром и ликвидацию буржуазного направления в исторической науке России.

В 1930 г. состоялась дискуссия на тему «Буржуазные историки Запада в СССР», в ходе которой в качестве объектов жесткой критики были избраны Е. В. Тарле, Н. И. Кареев и В. П. Бузескул. Причем последние были людьми преклонного возраста и не пережили организованной травли (в 1931 г. они умерли).

1.3. Мелкобуржуазная историческая наука

Мелкобуржуазная историография 20-х гг. представлена небольшим количеством работ авторов, примыкавших либо к меньшевикам, либо к эсерам (Н. А. Рожков, Р. В. Иванов-Разумник, А. Попов и др.). Уже в первых сборниках статей 1918-1919 гг. («Большевики у власти. Социально-экономические итоги Октябрьского переворота», «Год русской революции», «Из недавнего прошлого») четко просматривался антибольшевистский настрой данного направления отечественной историографии. Большевиков обвиняли в разрушении российской государственности, голоде и разрухе, разложении армии и т. д.

Наиболее крупным представителем мелкобуржуазной историографии 20-х гг. был профессор Петроградского университета Н. А. Рожков, опубликовавший в это время свой итоговый труд «Русская история в сравнительно-историческом освещении (опыт социальной динамики)» (т. 1-12). В нем была предложена концепция истории России, сводимая к ряду этапов. Фактически русская история у Н. А. Рожкова начинается с VI в. – с расселения русских племен в Приднепровье, в верховьях Волги и Оки и в бассейне Волхова. Дальнейшая периодизация связана с выделением следующих хронологических разделов: VI-IX вв. – древнейшая Русь, состояние варварства; X-XII вв. – феодальная революция; XIII – середина XVI в. – феодализм (с середины XIV в. – падение феодализма); с середины XVI в. до 1725. г. – дворянская революция; 1725-1825 гг. – господство дворянства; 1825-1860 гг. – буржуазная революция; 1861-1905 гг. – производственный капитализм; 1905-1917 гг. – революция в России.

Для представителей мелкобуржуазного направления в отечественной исторической науке (Р. В. Иванов-Разумник) характерен интерес к истории российской общественной мысли, которая должна была базироваться на теории борьбы индивидуализма с мещанством.

Список источников и литературы

1. Алаторцева, А. И. Советская историческая периодика 1917 – середина 1930-х годов / А. И. Алаторцева. – М.: Наука, 1989.
2. Артизов, А. Н. Критика М. Н. Покровского и его школы / А. Н. Артизов // История СССР. – 1991. – № 1.
3. Брачев, В. С. Сергей Федорович Платонов / В. С. Брачев // Отечественная история. – 1993. – № 1. – С. 111-128.
4. Дойчер, И. Троцкий в изгнании / И. Дойчер. – М.: Политиздат, 1991.
5. Историческая наука в 20-30-е гг. // История и историки. – М., 1990.
6. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. Т. 32-41 / В. И. Ленин.
7. Мухачев, Ю. В. Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР / Ю. В. Мухачев. – М., 1982.
8. Соловей, В. Д. Процесс становления советской исторической науки (1917 – середина 30-х гг.) в освещении американской и английской историографии / В. Д. Соловей // История СССР. – 1988. – № 4.

2. ИЗУЧЕНИЕ ПРОБЛЕМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ В 1917 – НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ

2.1. Разработка проблем докапиталистической эпохи

Изучение социально-экономической и политической истории России в докапиталистическую эпоху (до 1861 г.) в 20-е гг. связано, в первую очередь, с достижениями и работами историков-немарксистов, в центре внимания которых оказались вопросы истории России переломных эпох, что было обусловлено в значительной степени стремлением разобраться в происходящем вокруг, найти исторические аналоги.

Среди разрабатываемых проблем – *история «смутного времени»*, к обобщению которой обратились Ю. В. Готье и С. Ф. Платонов. Исходными событиями, с которых началась «смута», Ю. В. Готье в своей работе «Смутное время: Очерк истории революционных движений начала XVII столетия» считал «чрезмерное напряжение сил государства, нарастающее недовольство в народных массах, раскол в правящих кругах, борьбу между царями...» (М., 1921). Он в значительной степени разделял сложившуюся, ставшую традиционной схему: смуту начали «верхи» – бояре, а поддержали «низы». В этих условиях государственный организм был вынужден «обороняться». Общий вывод рассуждений Ю. В. Готье можно свести к высказанному им положению: «Анархические низы, подавленные, замолчали на целых полвека, что помогло московскому государственному строю укрепиться на очень долгое время» (Указ. соч. С. 144).

С. Ф. Платонов в 1921 г. издал свою монографию о Борисе Годунове, в 1923 г. – книгу об Иване IV Грозном и исследование «Смутное время». В них автор популяризировал высказанную ранее идею о том, что в «смуте» было уничтожено боярство и потерпело поражение казачество. «Верхи» и «низы» московского общества проиграли, а выиграли средние слои – служилый люд и тяглые посадских общин. Закономерным продолжением разработки истории XVII в.

С. Ф. Платоновым явилась монография «Москва и Запад в XVI – XVII веках» (1925 г.), центральная идея которой заключалась в положении о «расцвете пышным цветом» иностранного элемента в Москве к концу XVII в.

К эпохе Петра I в 20-е гг. обратились С. Ф. Платонов и М. М. Богословский. Причем в этом обращении содержался скрытый вызов марксистской историографии, которая взяла курс на разоблачение царственных особ только что свергнутой династии. Не случайно книга С. Ф. Платонова о Петре I была запрещена цензурой и ее автор был вынужден апеллировать к президиуму Академии наук. Труд увидел свет лишь в 1926 г.

С. Ф. Платонов, анализируя петровскую эпоху, сделал вывод о том, что деяния Петра I «были на благо всего народа». Кроме того, в его работах содержался ряд интересных наблюдений. Например, он установил социальный состав англичан, осуществлявших деятельность в Русском государстве, а также нашел документальное подтверждение факта подкупа Екатериной I в день смерти Петра I гвардейцев Преображенского и Семеновского полков.

М. М. Богословский исследовал петровские преобразования более фундаментально, причем представляется интересным подход к теме – анализ через личность преобразователя. В 1925 г. в предисловии к своей работе «Петр I» он писал: «Есть особая прелесть в том, чтобы следить за жизнью исторического деятеля, переживать ее вместе с ним, как бы воскрешая его. Есть не меньшая прелесть в том, чтобы, наблюдая эту отдельную жизнь, изу-

чать и восстанавливать ту историческую обстановку, то есть те события и тот быт, среди которых эта жизнь протекала, с одной стороны, оказывая на них свое и в настоящем случае могущественное воздействие, с другой – в большей или меньшей мере испытывая на себе их влияние» (Богословский, М. М. Петр I. Материалы для биографии / М. М. Богословский. – М., 1940. – С. 10).

Нельзя утверждать, что историки-немарксисты не учитывали достижений марксизма. Ряд из них явственно эволюционировал в сторону последнего. Примером может служить профессор Саратовского университета С. В. Юшков. В работах 20-х гг. он, первоначально исходивший из схемы В. О. Ключевского о торговом характере Руси IX – XI вв., сделал вывод о феодальном характере социальных отношений Древней Руси. Наметился его отход и от немарксистских оценок различных категорий сельского населения.

Марксистское направление отечественной историографии 20-х гг. смогло противопоставить работам историков-немарксистов лишь концепцию М. Н. Покровского о «торговом капитале» как двигателе российской истории. Определяющее значение торговли он усмотрел еще в Киевской Руси, где князья были «предводителями шаек работоторговцев». Образование Московского государства он связывал с развитием городов как торгово-промышленных центров и упрочением торговых связей. В опричнине М. Н. Покровский увидел борьбу торгового капитала в союзе с дворянством против феодалов бояр. Разинское движение он связывал с развитием торгового капитализма, а восстание Е. Пугачева объяснял «первым расцветом русской хлебной торговли». В XVIII в. в России, по мнению М. П. Покровского, появились ростки промышленного капитализма, но и торговый капитал продолжал развиваться и полного своего расцвета достиг как раз во второй половине XIX столетия. Крестьянские реформы 60-х гг. XIX в. в трактовке историка были осуществлены лишь благодаря совпадению интересов промышленного и торгового капиталов.

Через всю историю России М. Н. Покровский попытался провести идею классовой борьбы, причем в ряде случаев строил явно надуманные концепции, искажал факты и т. д. Например, Лжедмитрий I изображался им как царь, пошедший против богатых помещиков и капиталистов, а Лжедмитрий II – как «казацко-крестьянский царь».

В 1925 г. марксистская историография попыталась широко отметить 150-летие *восстания Е. Пугачева*, дав ему принципиальную оценку. В концентрированном виде эта оценка представлена в статье Г. Е. Меерсона, который считал «пугачевщину» ранней буржуазной революцией, вызванной столкновением двух типов первоначального капиталистического накопления: монополистического, связанного с царизмом, и свободного от монополии торгово-капиталистического – на окраинах. Подавление восстания автор объяснял поражением американского пути капиталистического развития сельского хозяйства. Естественно, что подобные абстрактно-схоластические настроения в духе концепции М. Н. Покровского не встретили серьезного отношения в среде историков-профессионалов. И все же юбилей сыграл свою положительную роль: по поручению Центрархива С. А. Голубцов подготовил и издал трехтомное собрание документов «Пугачевщина» (М., 1926-1931), в котором впервые были опубликованы манифесты и указы Е. Пугачева и иные документы, связанные с восстанием.

Отечественная историография достаточно быстро усвоила концепцию феодализма М. Н. Покровского и его учеников, и немалую роль здесь сыграли труды историков немарксистов 20-х гг., которые полемизировали с вульгарной трактовкой истории России.

2.2. Проблемы капитализма и империализма в истории России

Если в изучении истории феодальной России преобладали труды исследователей-немарксистов, то анализ проблем капитализма и империализма в 20-е гг. является несомненным достижением марксистского направления отечественной историографии. Разработка вопросов империализма в данной тематике занимала центральное место и осуществлялась в ходе полемики представителей двух концепций:

1. «Денационализаторская», предложенная в работах П. Н. Ванага и С. Л. Роняна, признававших наличие в России накануне первой мировой войны системы иностранного финансового капитала, подчинившего себе русские коммерческие банки и через них русскую промышленность. Логическое завершение она получила у Л. Н. Крицмана, утверждавшего, что системы русского финансового капитализма не существовало, а в России было лишь расширение сферы эксплуатации иностранного финансового капитала. Иными словами, Россия представлялась страной, находившейся в полукOLONиальной зависимости от западных держав.

2. «Национализаторская», изложенная в трудах А. Л. Сидорова, И. Ф. Гиндина, Е. Л. Грановского и Г. Ц. Циперовича. Они показали развитие капитализма в России в начале XX в., оперируя данными о промышленном производстве, росте капиталов, образовании монополий, сращивании банковского и промышленного капиталов. Было доказано, что приток иностранных капиталов явился не единственной причиной образования финансового капитала, а особенностью его развития в России.

В 1929 и 1931 гг. были проведены дискуссии по данной проблеме, в ходе которых, пожалуй, впервые были применены в полемике как средство аргументации политические обвинения. Представители «денационализаторской» концепции были охарактеризованы как выразители взглядов антипартийных групп, отрицавших наличие условий в России для победы социализма. В результате этого взгляды П. Н. Ванага, С. Л. Роняна, Л. Н. Крицмана были отвергнуты.

В центре внимания историков-марксистов 20-х гг. находилась также проблема аграрного развития России в конце XIX – начале XX в., при разработке которой им пришлось столкнуться с работами обществоведов и экономистов неонароднического толка (Л. Литовченко, Н. Кондратьев, А. Чаянов, А. Челинцев).

При характеристике развития сельского хозяйства на рубеже веков историки-марксисты во многом сходились, хотя и существовали некоторые акценты в оценках. Например, С. М. Дубровский и А. В. Шестаков несколько преувеличивали развитие капитализма в аграрном секторе экономики и не показывали степени сохранения полукрепостнических отношений, Ю. Ларин, А. Тюменев склонялись к выводу об успехе столыпинской реформы, видя наибольшие успехи капитализма в помещичьем хозяйстве.

Наибольший интерес представляют работы С. М. Дубровского, которому удалось охватить наиболее значительный круг вопросов по истории России конца XIX – начала XX в. и наиболее глубоко с точки зрения марксизма их проработать. Его основной вывод сводился к тому, что русский капитализм сумел за короткий период занять по своим организационным формам далеко не последнее место.

Заметное внимание отечественная историография уделила внешней политике России начала XX в. Наибольший интерес среди работ по этой тематике вызывают исследования ученых «старой» школы: Б. А. Романова («Россия в Маньчжурии»), детально рассмотревшего дальневосточную политику царизма, и Е. В. Тарле («Европа в эпоху империализма. 1871-1919 г.»). Причем Е. В. Тарле показал агрессивность именно германского империализма.

лизма накануне первой мировой войны. Глава же марксистского направления в историографии М. Н. Покровский считал, что войну развязала Антанта.

2.3. Разработка проблем освободительного движения

В 20-е гг. в отечественной историографии сформировалось направление, связанное с изучением истории освободительного движения. В 1925 г. отмечалось 100-летие декабристов, в связи с чем было опубликовано более 1 300 различных работ. Среди них – серия исследований саратовского историка С. Н. Чернова о «Союзе благоденствия» (1924-1932 гг.) и работа М. В. Нечкиной «Общество соединенных славян» (1927 г.). Центрархив принял решение об издании следственных дел декабристов. Была осуществлена публикация шести томов (1926-1931 гг.), увидел свет «Алфавит декабристов».

Следует иметь в виду, что *декабризм* оценивался в 20-е гг. неоднозначно. Старый большевик М. С. Ольминский выступил даже против празднования юбилея, оценивая движение как помещичий заговор. М. Н. Покровский считал северных декабристов «типичной буржуазно-помещичьей группировкой», а членов Общества соединенных славян – революционными демократами. При всем различии в оценках историки-марксисты сходились в одном: они связывали возникновение декабризма с хозяйственной конъюнктурой, что в общем-то было вульгаризацией трактовки сложного общественного явления.

В 1928 г. праздновалось столетие со дня рождения *Н. Г. Чернышевского*, к которому были приурочены издания его «Избранных произведений» и «Дневника». Особую роль в исследовании наследия выдающегося революционера сыграл Ю. М. Стеклов – автор двухтомной книги «Чернышевский. Его жизнь и деятельность». Однако его доклад в Обществе историков-марксистов вызвал дискуссию. Ю. М. Стеклов заявил, что Н. Г. Чернышевский задолго до В. И. Ленина начал пропаганду в России коммунистических идей. Его выступление было достаточно резко одернуто, участники обсуждения оценили Г. Чернышевского как крестьянского революционера и революционного демократа.

В 1929 г. исполнилось 50 лет организации «*Народная воля*», что породило достаточно большое количество публикаций. Б. П. Козьмин подготовил к изданию собрание сочинений одного из идеологов народничества – П. Н. Ткачева, были опубликованы сборники документов о народнических организациях 70-х гг. XIX в. В связи с юбилеем в 1929-1930 гг. прошла дискуссия о «Народной воле», поводом к которой послужило выступление П. Л. Теодоровича, трактовавшего революционных народников как прямых предшественников большевиков. Иную позицию занимали М. Н. Покровский и его ученики, считавшие народовольцев буржуазно-либеральным течением. В дискуссию вмешался ЦК ВКП(б), отдел культуры и пропаганды которого опубликовал тезисы о «Народной воле». В них критиковалась недооценка народничества как движения революционнодемократического крестьянства и в то же время осуждалась попытка И. А. Теодоровича «смазать различие между научным и утопическим социализмом».

В 20-е гг. продвинулось вперед научное изучение *российской революции 1905-1907 гг.* и рабочего движения. Появились первые монографические исследования отдельных этапов и проблем революции. Пионером в этой области выступил А. В. Шестаков, опубликовавший в 1925 г. книгу «Октябрьская стачка 1905 г.». Он оценивал стачку как кульминацию революции, что вызвало критику со стороны историков-марксистов. Декабрьскому вооруженному восстанию были посвящены работы Е. Ярославского (1925 г.) и С. Черномордика (П. Ларионова) (1926 г.), крестьянскому движению – А. В. Шестакова и Е. А. Мороховца, Советам – Н. Бабахай, I Государственной думе – А. Слепкова.

Следует отметить, что марксистское направление отечественной историографии исследовало проблемы освободительного движения в острой борьбе с представителями мелкобуржуазной исторической науки, которые не только предлагали свою трактовку, но и претендовали на преемственность в освободительном движении. Наиболее показательна в

этом отношении «История русской общественной мысли» Р. В. Иванова-Разумника, который предлагал иную, порой противоположную, трактовку событий. Об А. Герцене, например, он пишет: «Социалистический индивидуализм западничества и этический индивидуализм славянофильства были синтезированы Герценом путем философско-исторического индивидуализма; с этого синтеза и берет свое начало народничество» (Иванов-Разумник, Р. В. История русской общественной мысли / Р. В. Иванов-Разумник. – Пг., 1918. – Т. 3. – С. 182-183).

К проблематике освободительного движения в историографии 20-х гг. примыкала историко-партийная тематика, разработка которой также велась преимущественно историками-марксистами. Наиболее заметным явлением этого периода была четырехтомная «История ВКП(б)» под редакцией Е. М. Ярославского, охватившая период с 1880 г. до конца гражданской войны. Ее авторами были И. И. Минц, С. А. Пионтковский, К. Ф. Сидоров и др. Основное внимание в ней было уделено роли В. И. Ленина в революционном движении партии.

Параллельно в марксистской историографии существовала «История РКП(б)» Г. Е. Зиновьева, признанная позднее оппортунистической и фальсификаторской. Аналогичные обвинения были предъявлены книгам по истории партии, авторами которых были В. Волосевич и В. Ваганян. К литературе подобного рода были отнесены и книги лидера меньшевиков Л. Мартова «История Российской социал-демократии», «Мировой большевизм», «Записки социалдемократа». По мнению современных исследователей, негативные оценки исторических трудов Л. Мартова неправомерны, поскольку он «обладал исключительным аналитическим даром, способностью к глубоким обобщениям. Кроме того, благодаря своей феноменальной памяти, он был хранителем богатейшего фактического материала, по условиям подполья не отложившегося в архивах» (Савельев, П. Ю. Л. Мартов в советской исторической литературе / П. Ю. Савельев // Отечественная история. – 1993. – № 1. – С. 107).

2.4. Изучение советского периода истории России

В историографии освободительного движения и истории партии несомненное первенство принадлежало историкам-марксистам, при оценке же событий Октябрьской революции и гражданской войны определенный интерес представляет точка зрения представителей всех направлений отечественной исторической науки.

Одними из первых высказались представители буржуазной историографии, причем оценки давались ими в характерных для этого направления исторической мысли формах и специфическими методами. Например, Туган-Барановский, подобно многим представителям профессуры, занял резко отрицательную позицию по отношению к советской власти. В конце 1917-1918 г. он был министром финансов Центральной Рады, в 1919 г. как советник по экономическим вопросам выезжал с делегацией Украинской Директории в Париж. В эти же годы он выпустил ряд книг, в которых дал свою интерпретацию революции. Он подчеркивал ее разрушительный уничтожающий характер.

Во главе революции М. И. Туган-Барановский ставил интеллигенцию, в результате чего политический строй представлялся им как «диктатура социалистической интеллигенции, опирающейся, преимущественно, на городской пролетариат, отчасти же на беднейшее крестьянство» (Туган-Барановский, М. И. В поисках нового мира / М. И. Туган-Барановский. – М., 1919. – С. 116.). Прибегая к социалистической терминологии (сказался опыт бывшего «легального марксиста»), он выступил с ревизией основных положений марксизма, попытался обосновать ее конкретной исторической обстановкой России тех лет.

С интерпретациями буржуазных ученых тесно смыкались начинания меньшевистски и эсеровски настроенных историков и обществоведов. В 1918 г. эсеры издали сборник материалов «Большевики у власти». В нем большевиков обвиняли в разрушении вековой «русской государственности» и культуры, разложении армии, разрухе в народном хозяйстве. Главный вывод сводился к тому, что большевики не имели и не имеют опоры в массах (Большевики у власти. Социально-экономические итоги Октябрьского переворота. – М., 1918. – С. 5, 10, 12, 70.). В качестве иллюстраций авторы довольно часто приводили данные по Среднему Поволжью, где эсеры пользовались значительным влиянием. Сборник имел ярко выраженную политическую направленность. Он был призван обосновать готовившийся эсеровский переворот.

Одновременно был издан сборник статей членов Учредительного собрания фракции эсеров. При характеристике губерний Среднего Поволжья в нем отмечалось, что борьба здесь отличается «особым ожесточением». Один из авторов сборника – А. Аргунов – расценивал Поволжье как один из возможных очагов «национального воссоединения и объединения» (Аргунов, А. Навстречу врагу / А. Аргунов // Народовластие. – М., 1918. – С. 25).

Мелкобуржуазные авторы отрицают законность, юридическую обоснованность советской власти, в то же время признавая ее силу. Давая анализ политической ситуации в средневожском регионе, Н. В. Святицкий отмечает жизнестойкость диктатуры пролетариата, ее способность в короткий срок организовать здесь крепкий фронт и прочный тыл (Святицкий, Н. В. К истории Всероссийского Учредительного собрания / Н. В. Святицкий. – С. 6). Одновременно он пишет о падении духа «народной армии»: «После сдачи Казани и Симбирска «народной армией» овладела паника. Чехи, вынесшие на своих плечах всю тяжесть летней и осенней кампаний, устали, изнемогли. Народная армия, только еще организованная, плохо обученная и не имевшая опыта, впала в панику после первых же поражений» (Там же. С. 39).

Н. В. Святицкий же, по существу, заложил основы оценок мятежа белочехов в 1918 г. в Среднем Поволжье в немарксистской историографии. Он изображает белочехов «демократами по убеждениям». По его мнению, «чехословацкие войска гордились тем, что они оказы-

вают поддержку народовластию и действуют под знаменем Учредительного собрания» (Святицкий, Н. В. Крах учредилки (главы из книги) / Н. В. Святицкий // Колчаковщина: сб. / под ред. Н. Райвида и В. Быкова. – Екатеринбург, 1924. – С. 48). Анализируя причины анти-советского выступления чехословацких легионеров, Н. В. Святицкий пишет: «Решаясь на открытую борьбу с Советской властью, чехословаки действовали, несомненно, из высоких патриотических побуждений» (Там же). К их числу они относят стремление таким образом получить от союзников независимость и свободу Чехословакии, а также «существенную помощь Всероссийскому Учредительному собранию» (Там же). Пытаясь вскрыть причины побед большевиков в средневожских губерниях, Н. В. Святицкий приходит к выводу об измене чехословаков делу «российской демократии». По его мнению, уже в сентябре 1918 г. политика чехословаков становится «все более кривообразной и двусмысленной». В конечном счете, они сыграли «крупную роль в поражении демократии на Востоке» (Там же).

Первые работы историков-марксистов по истории Октября и Гражданской войны носили ярко выраженную политическую направленность. В связи с первыми юбилеями революции были изданы работы В. А. Карпинского, В. А. Быстрянского, В. И. Невского и др., в которых кратко излагались события 1917 г. Первая же более или менее обстоятельная книга вышла в 1923 г., ее автором был С. А. Пионтовский. Он попытался всесторонне описать ход революции, проанализировать настроения и действия масс, роль большевистской партии.

Осенью 1924 г. увидела свет статья Л. Д. Троцкого «Уроки Октября», в которой предлагалось несколько отличное от официальнопартийного видение событий революции. Работа была осуждена январским (1925 г.) Пленумом ЦК РКП(б), который поставил задачу усилить исследование проблем истории 1917 г.

В середине 20-х гг. был осуществлен переход от преимущественно публицистических работ к серьезным исследованиям по истории Октября. Причем в большинстве работ тех лет господствовала точка зрения о двойственном характере революции. Например, Л. Крицман в книге «Героический период Великой русской революции» характеризовал события Октября как «совпадение антикапиталистической и антифеодальной революции». Подобная оценка присутствовала и в четырехтомной «Истории ВКП(б)» под редакцией Е. Ярославского.

Особую роль в изучении Октября сыграл Истпарт, издавший к десятилетию революции серию работ, являющихся результатом серьезных изысканий. Наиболее интересной из них была книга А. В. Шестакова «Большевики и крестьянство в революции 1917 года» (1927 г.). Дальнейшее углубление этой тематики привело исследователя к анализу классовой борьбы в деревне ЦентральноЧерноземной области в эпоху «военного коммунизма».

Сравнительно серьезно Октябрь изучался и на местах. В 1923 г. Тамбовский губернский комитет РКП(б) издал сборник статей и воспоминаний о борьбе с антоновщиной в губернии. Через всю книгу красной нитью проходит мысль о тесных связях антоновцев с партией эсеров, ее лозунгами. Дальнейшее развитие эта тема получила в книге В. Андреева и С. Кулаева, изданной в 1927 г. и отражающей процесс установления советской власти на Тамбовщине.

История гражданской войны стала разрабатываться еще в 1918-1920 гг. Проанализировав литературу тех лет, В. Д. Поликарпов сделал вывод: «Популярные работы по истории гражданской войны создавались в то время, когда еще шла война, при отсутствии научно разработанной ее истории. Это не могло не отразиться на литературе, рассчитанной на широкую читательскую аудиторию. Она сыграла свою роль, дав массе красноармейцев, рабочих и крестьян в главных чертах верную классовую характеристику вооруженной борьбы Советской республики с контрреволюцией. Опыт такой характеристики облегчал переход к научной разработке истории гражданской войны в России, привлекал внимание к методологическим

основам ее и изучения» (Поликарпов, В. Д. Начальный этап гражданской войны (История изучения) / В. Д. Поликарпов. – М., 1980. – С. 201.).

С середины 20-х гг. начали выходить первые обобщающие работы по истории гражданской войны (С. Венцов, С. Белицкий, Л. Анишев, Н. Какурин, М. Левитов), которые нельзя расценивать равнозначно. Работа С. Венцова и С. Белицкого «Красная гвардия» была первым опытом освещения начального периода военных действий, исследование А. Анишева «Очерки истории гражданской войны 1917-1920 гг.» (М., 1925) явились попыткой дать социальнополитический анализ войны, двухтомный труд Н. Какурина «Как сражалась революция» (М.; Д., 1925-1926) освещал ход событий гражданской войны в целом. Особое место в историографии гражданской войны заняли «Записки о гражданской войне» В. А. Антонова-Овсеенко, изданные в 1924-1933 гг. в четырех томах. Важной является оценка самого автора, данная в предисловии к третьему тому:

«Это именно рассказ, воспоминания, подкрепленные официальными документами, но отнюдь не историческое исследование» (Антонов-Овсеенко, В. А. Записки о гражданской войне / В. А. Антонов-Овсеенко. – М.; Л., 1932. – Т. 3. – С. 5.).

Список источников и литературы

1. Алаторцева, А. И. Дискуссия о «Народной воле» в советской исторической науке конца 20-х – начала 30-х годов / А. И. Алаторцева // История и историки. – М., 1990. – С. 209-231.
2. Артизов, А. Н. Проблемы отечественной историографии в трудах ученых старой школы в послеоктябрьский период / А. Н. Артизов // История СССР. – 1988. – № 6. – С. 76-91.
3. Бармина, А. В. Пропаганда революционных традиций Великого Октября в историко-биографическом наследии Истпарта / А. В. Бармина // Из истории упрочения и развития социализма в СССР. – М., 1988. – С. 31-44.
4. Вандалковская, М. Г. А. А. Кизеветтер. История и политика в его жизни / М. Г. Вандалковская // История и историки. – М., 1990. – С. 231-258.
5. Деникин, А. И. Очерк русской смуты. В 4 т. / А. И. Деникин. – М.: Наука, 1991. – Т. 1. – 520 с; Т. 2. – 377 с.
6. Какурин, Н. Е. Как сражалась революция. В 2 т. / Н. Е. Какурин. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1990. – Т. 1. – 272 с.; Т. 2. – 431 с.
7. Мажаева, Л. А. История, биография, политика (Некоторые проблемы истории Октября в материалах внутрипартийной дискуссии 1921 г.) / Л. А. Мажаева // Постигая Ленина. – М., 1990. – С. 134-143.
8. Мельгунов, С. П. Осада Зимнего дворца [Вступительная статья Ю. Н. Емельянова] / С. П. Мельгунов // Вопросы истории. – 1993. – № 1. – С. 109-128.
9. Рафиенко, Е. Н. Историко-революционные музеи и историческая наука в 1920-е гг. / Е. Н. Рафиенко // Музееведение. – М., 1987. – С. 79-103.
10. Соловей, В. Д. Изучение истории Великого Октября в Институте Красной Професуры. (1920-е – первая половина 30-х гг.) / В. Д. Соловей // Политические и экономические проблемы Великого Октября и гражданской войны. – М., 1988. – С. 51-68.
11. Суханов, И. Н. Записки о революции. В 3 т. / И. Н. Суханов. – М.: Политиздат, 1991-1992. – Т. 1, кн. 1-2. – 383 с; Т. 2, кн. 3-4. – 399 с; Т. 3, кн. 5-7. – 415 с.
12. Троцкий, Л. Д. Сталинская школа фальсификаций: поправки и дополнения к литературе эпигонов / Л. Д. Троцкий. – М.: Наука, 1990. – 333 с.
13. Шамаев, О. Ю. Великий Октябрь в трудах Московского Истпарта / О. Ю. Шамаев // Актуальные проблемы историографии и источниковедения истории Великой Октябрьской социалистической революции. – М., 1989. – С. 73-79.

14. Щербинин, А. И. Дискуссии 20-30-х годов о Советах в годы первой революции / А. И. Щербинин // Некоторые вопросы отечественной истории в советской историографии. – Томск, 1989. – С. 49-58.

3. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В 30-Е ГГ

3.1. Историческая наука в условиях сталинского тоталитарного режима

В СССР в 30-е гг. сформировалась авторитарно-административная система и одновременно пропагандистско-идеологический режим. Политика стала играть решающую роль в складывании историографической ситуации в стране, а конкретные исследования стали свертываться с историческими взглядами И. В. Сталина, которые все чаще пропагандировались в обществе. Краеугольной в его понимании истории России была мысль об ее отсталости, высказанная в 1931 г. в речи на I Всесоюзной конференции работников промышленности. И. В. Сталин говорил: «История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все – за отсталость. За отсталость военную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную» (Сталин, И. В. Вопросы ленинизма / И. В. Сталин. – 11-е изд. – М., 1940. – С. 328).

В трактовке И. В. Сталина с образованием Российского централизованного государства была решена задача «обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока», однако «технико-экономическая отсталость» страны существовала и в XVII в., и в XVIII в. Но существовал и Петр I, который, «имея дело с более развитыми странами на Западе, лихорадочно строил заводы и фабрики для снабжения армии и усиления обороны страны... Это была своеобразная попытка выскочить из рамок отсталости» (Там же. С. 359).

Для И. В. Сталина характерен был четко выраженный прагматизм в оценке исторических личностей. Уже после войны на встрече с постановщиками фильма «Иван Грозный» он далеко не случайно назвал того же Петра I «Петрухой», заметив, что тот не национален, ибо открыл дверь иностранцам. Логика И. В. Сталина здесь достаточно очевидна – необходимо поскорее отгородиться от «тлетворного влияния» Запада, аналогии петровского «открытого окна» в Европу поэтому не нужны. Особое внимание И. В. Сталин уделял истории партии. В 1931 г. он написал письмо в редакцию журнала «Пролетарская Революция» «О некоторых вопросах истории большевизма», в котором акцентировал внимание на «ошибках» историков Запада, а также авторов четырехтомной «Истории ВКП(б)» под редакцией Е. М. Ярославского. «Проработке» подверглись И. М. Альтер, А. Г. Слущкий, Д. Я. Кин, Д. А. Баевский, С. А. Пионтковский, И. И. Минц, Н. Н. Эльвов и др. В начале 1937 г. И. В. Сталин обратился с письмом «Об учебнике истории ВКП(б)» к составителям книги по истории партии. «Я думаю, – писал он, – что наши учебники по истории ВКП(б) неудовлетворительны по трем главным причинам. Неудовлетворительны либо потому, что они излагают историю ВКП(б) вне связи с историей страны, либо потому, что ограничиваются рассказом, простым описанием событий и фактов борьбы течений, не давая им необходимого марксистского объяснения, либо же потому, что страдают неправильностью конструкции, неправильностью периодизации событий» (К изучению истории: сб. ст. / И. В. Сталин. – М., 1937. – С. 28).

Сам И. В. Сталин давал весьма своеобразное определение истории партии: «История нашей партии есть история преодоления внутрипартийных противоречий и неуклонного укрепления рядов нашей партии на основе этого преодоления» (Сталин, И. В. Соч. / И. В. Сталин. – Т. 9. – С. 5). Опираясь на него, он разработал свою периодизацию истории ВКП(б):

1) исключил из периодизации дату II съезда РСДРП (1903 г.) и свел его значение к образованию РСДРП и появлению фракций большевиков и меньшевиков. По сути дела, отрицался факт образования партии нового типа, вопреки утверждению В. И. Ленина о том, что большевизм существует как течение политической мысли и как политическая партия с 1903 г.;

2) исключил из периодизации ленинский «период подготовки революции», зато включил 1904 г. в «годы революции», добавив к ним и «период русско-японской войны»;

3) продлил период реакции до 1912 г. и связал оформление большевиков в партию с VI Пражской конференцией РСДРП;

4) перенес на два года (с 1910 на 1912) начало периода нового революционного подъема;

5) соединил период империалистической войны с Февральской революцией, сократив продолжительность последней до марта 1917 г. Позднее в «Кратком курсе истории ВКП(б)» И. В. Сталин писал: «Книга Ленина «Что делать?» была идеологической подготовкой такой партии. Книга «Шаг вперед, два шага назад» была организационной подготовкой такой партии. Книга Ленина «Две тактики социалдемократии в демократической революции» была политической подготовкой такой партии. Наконец, книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» была теоретической подготовкой такой партии». Утверждая это, И. В. Сталин фактически свел процесс подготовки партии нового типа к созданию В. И. Лениным четырех названных выше трудов, содержание и значение каждого из которых он сузил до единственного аспекта.

Послеоктябрьская периодизация истории партии, предложенная И. В. Сталиным, базировалась на фетишизации партийных директив и выступлений вождей. Она исключала НЭП, зато выделяла период «борьбы за индустриализацию» (1926-1929 гг.), относящийся ко времени, когда она фактически не велась, период «борьбы за коллективизацию» (1930-1934 гг.) и, наконец, период «завершения социалистического строительства» (1935-1937 гг.).

По мнению многих историков, предложенная Сталиным периодизация создавала миф о нем как руководителе партии большевиков с момента ее образования.

Процесс политизации истории как науки сопровождался произволом и насильственными методами воздействия. И. В. Сталин и его окружение не могли не раздражать независимые исторические школы, проявлявшие уважение к отечественным научным традициям.

В этом плане весьма примечательна жизнь академика Е. В. Тарле. После возвращения из ссылки его перестали именовать академиком и практически не печатали. О нем заговорили после выхода в свет монографии «Наполеон», которая в «Правде» и «Известиях» была оценена негативно. Однако книга понравилась И. В. Сталину, и на следующий день в газетах появилась заметка «От редакции», которая взяла под защиту ученого. В марте 1937 г. с Е. В. Тарле была снята судимость, и он вновь был объявлен академиком. В 1937-1939 гг. появились его новые труды: «Жерминаль и прериаль», «Нашествие Наполеона на Россию», «Талейран». Е. В. Тарле в канун войны был дважды пожалован Сталинскими премиями.

По-иному сложилась судьба Ю. В. Готье, работу которого «Железный век в Восточной Европе» журнал «Историк-марксист» квалифицировал как «идеологическую подготовку интервенции против СССР». В 1934 г. он вернулся из ссылки, и долгое время считалось, что ничего оригинального не создал. Лишь относительно недавно выяснилось, что он писал дневник, содержащий порой резкие, но в принципе верные оценки тогдашней действительности.

Наступление сталинизма на историческую науку имело широкие географические рамки. В 1930 г. на Украине состоялось судилище по делу мнимой организации «Союза вызволения Украины» (СВУ), в которую якобы входили многие учёные во главе с историком М. С. Грушевским. Лидерам СВУ инкриминировалось раздувание буржуазного национализма,

внедрение чуждой культуры. В 1931 г. аресты возобновились, было объявлено о деятельности некоего «Украинского национального центра». М. С. Грушевский, имя которого склонялось и в связи с этим процессом, был отправлен в ссылку, а его книга «История Руси – Украины» запрещена.

После письма И. В. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская Революция» начался разгром историко-партийной науки. В массовом порядке из научных центров страны стали изгоняться историки, попадавшие под уничтожающий огонь критики. В 1936 г. был расстрелян декан исторического факультета МГУ профессор Г. С. Фридлянд, который, как было заявлено, использовал научную деятельность «для контрабандистского протаскивания идей, враждебных ленинизму». В резолюции общего собрания ячейки истории партии ИКП «Об итогах обсуждения письма тов. Сталина» (декабрь 1931 г.) было записано: «В ходе обсуждения вскрыт ряд новых антипартийных контрабандистских вылазок и развернуто беспощадное большевистское разоблачение выявленных троцкистских контрабандистов (Миронов, Альтер) и иных фальсификаторов истории нашей партии (Юдовский, Горин, Ванаг, Бантке и др.) Обсуждение показало нежелание историков-коммунистов до конца вскрыть и по-большевистски признать свои крупнейшие ошибки политического и исторического характера (Кин, Баевский, Минц, Лукин и др.)» (Куманев, В. А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции / В. А. Куманев. – М., 1991. – С. 86.). Восемь из десяти названных выше историков были репрессированы и погибли. Жертвами террора стали крупные ученые: историк-публицист Ю. М. Стеклов, историки партии В. Г. Кнорин и В. Г. Сорин, директор Института истории АН СССР академик Н. М. Лукин, директор Библиотеки им. В. И. Ленина В. И. Невский и др.

Письмо И. В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» положило конец борьбе между школой М. Н. Покровского и группой Е. М. Ярославского за гегемонию на «историческом фронте». В октябре 1931 г. Е. М. Ярославский отправил покаянное письмо И. В. Сталину, в котором униженно писал: «Тов. Сталин, укажите мне тот «ряд ошибок принципиального и исторического характера», о которых Вы говорите в конце Вашего письма». И. В. Сталин указал на «ошибки», а Е. М. Ярославский начал их исправлять, приступив к фальсификации истории.

С января 1936 г. началась развернутая критическая кампания против М. Н. Покровского и его учеников, а через год были подготовлены изданные позднее сборники под названием «Против исторической концепции М. Н. Покровского» и «Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского» (1939 г.). Свое отношение к недавнему руководителю исторической науки выразили представители старой школы Б. Д. Греков, С. В. Бахрушин, В. И. Пичета, С. В. Юшков, их последователи – Н. М. Дружинин, К. В. Базилевич, Б. Б. Кафенгауз, а также ученики М. Н. Покровского – А. М. Панкратова, М. В. Нечкина, А. Л. Сидоров и др. К концу 30-х гг. «разгромленная» школа М. Н. Покровского именовалась уже как «банда шпионов и диверсантов, агентов и лазутчиков мирового империализма, заговорщиков и убийц».

Репрессии 30-х гг. нанесли непоправимый ущерб отечественной исторической науке и способствовали завершению процесса унификации исторического знания. Немало этому содействовали постановления партии и правительства по вопросам развития исторической науки и преподавания истории в вузах и школе и организационная перестройка исторических учреждений.

В январе – марте 1934 г. Наркомпрос РСФСР провел два совещания ученых и преподавателей истории, которые высказались за реорганизацию преподавания истории в школах и улучшение подготовки кадров преподавателей. На основе этих решений стали готовиться постановления партии и правительства. В постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» (16 мая 1934 г.) указывалось, что главным недостатком советской исторической науки являлась подмена изложения конкретного

хода истории абстрактными социологическими схемами. 9 июня 1934 г. ЦК ВКП(б) принял решение о введении в начальной и неполной средней школе элементарного курса всеобщей истории и истории СССР. Были созданы авторские коллективы по подготовке учебников истории для средней школы. К концу лета 1934 г. был подготовлен конспект учебника по истории СССР, на который А. А. Жданов, С. М. Киров и И. В. Сталин написали «Замечания». Их текст был одобрен Политбюро ЦК ВКП(б). Главные недостатки конспекта, по мнению авторов «Замечаний», заключались в том, что он представлял собой «конспект русской истории, а не истории СССР, то есть истории Руси, но без истории народов, которые вошли в состав СССР». Работа над учебниками затянулась, поэтому 26 января 1936 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли новое постановление «Об учебниках по истории». Была создана комиссия под председательством А. А. Жданова, получившая право организовать группы по пересмотру уже подготовленных учебников.

В совокупности комплекс партийных и правительственных документов 1934-1936 гг. определил требования власти имущих к исторической науке и как бы дополнил высказывания И. В. Сталина по историческим вопросам. Были, по сути дела, намечены пути дальнейшего развития отечественной историографии.

К середине 30-х гг. марксистская методология достаточно укоренилась в системе АН СССР, бывшей когда-то оплотом немарксистской исторической науки. Поэтому в феврале 1936 г. было принято решение о ликвидации Коммунистической академии и передаче ее учреждений АН СССР. На основе этого решения образовался Институт истории, в котором было создано восемь секторов. Периодическим органом института стал журнал «Историк-марксист», с 1936 г. институт издавал неперIODический сборник «Исторический архив», с 1937 г. – «Исторические записки».

В результате сложных антидемократических мероприятий и организационной перестройки исторической науки 30-х гг. сложилась новая система исторических подходов и научно-исследовательских учреждений.

3.2. Изучение дореволюционной истории России

В 30-е гг. отечественная историческая наука не только создала общую концепцию истории России, но и достигла определенных успехов в разработке конкретных проблем. В первую очередь можно говорить о достижениях в области изучения *истории России периода феодализма*.

В 1932 г. в Академии истории материальной культуры прошла дискуссия о характере строя Древней Руси. И. И. Смирнов и его последователи высказали мысль о складывании у славянских племен на базе разложения первобытного строя рабовладельческого общества. Б. Д. Греков доказывал, что у восточных славян возникали феодальные отношения и установилась феодальная общественноэкономическая формация. Большинство участников обсуждения поддержало эту точку зрения.

В 30-е гг. Б. Д. Греков стал ведущим специалистом по истории феодальной Руси. Он начал разработку таких принципиально новых идей, как роль товаризации сельскохозяйственного производства в изменении форм феодальной ренты, связь форм ренты с общественным устройством и внутренней политикой государственной власти и феодальных группировок. Итогом исследования явилась его монография «Очерки по истории феодализма в России» (1934 г.).

Дальнейшая разработка идей, высказанных в ходе дискуссии 1932 г., привели Б. Д. Грекова к обобщению концепции в книгах «Феодальные отношения в Киевском государстве» (1935 г.), «Киевская Русь» (1939 г.), где доказывалось, что процесс феодализации шел параллельно с государственным строительством. Автор пришел к выводу, принятому всей последующей историографией, о складывании государства с центром в Киеве только после выравнивания социально-экономических и политических условий развития севера и юга восточнославянских земель. Исследователь аргументированно полемизировал с представителями норманнской теории, показал достаточно высокую степень развития восточного славянства.

Проблемы истории Древней Руси в 30-е гг. достаточно интенсивно разрабатывал историк-юрист С. В. Юшков, взгляды которого во многом были тождественны построениям Б. Д. Грекова. Наибольший интерес представляет его трактовка Древней Руси как колыбели русского, украинского и белорусского народов.

Среди работ, освещающих более поздние этапы истории феодальной России, нужно выделить фундаментальные исследования С. Б. Веселовского, в частности, его монографию «Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV – XVII вв.» (1936 г.). Автор рассматривал процесс закрепощения крестьян в связи с сеньориальным или вотчинным режимом. Интересна постановка им вопроса о соотношении общественной структуры Киевской и Северо-Восточной Руси в XIV – XV вв. Подчеркивая, что он может быть темой специального исследования, С. Б. Веселовский указывает на наличие в Суздальской Руси пережитков киевских явлений.

Большое место в отечественной историографии 30-х гг. занимала *военная и внешнеполитическая тематика*. Наиболее значимыми в этой области были исследования академика Е. В. Тарле, разрабатывавшего проблемы внешней политики России начала XIX в. и приступившего в это время к фундаментальному исследованию Крымской войны. Следует особо отметить наличие в его работах тех лет скрытой полемики с отдельными историческими оценками К. Маркса и Ф. Энгельса. Например, известно марксистское определение «бонапартизма» как лавирования между классом феодалов и классом буржуазии. Е. В. Тарле занял совершенно иную позицию, заявив: «Став на путь политической реакции, Наполеон делал то, что прежде всего и больше всего было нужно крупной торгово-промышленной буржуа-

зии, и всю свою внутреннюю и внешнюю политику он строил так, чтобы прежде всего были полностью удовлетворены интересы этого класса» (Тарле, Е. В. Наполеон / Е. В. Тарле. – М., 1991. – С. 4.).

Продолжил активную работу над внешнеполитической тематикой конца XIX – начала XX в. проходивший с Е. В. Тарле по одному делу и вернувшийся из ссылки Б. А. Романов. Им была переработана монография о политике царизма на Дальнем Востоке накануне русско-японской войны.

В конце 30-х гг. стало четко просматриваться внимание к военной истории России. В 1939 г. Институт истории АН Украины провел научную сессию, посвященную 230-летию Полтавской битвы. В 1940 г. вышла в свет книга И. М. Коробкова «Семилетняя война», в которой высоко оценивались победы русского оружия в войне с Пруссией в 1757-1760 гг.

В изучении истории России периода капитализма и империализма в 30-е гг. заметных достижений не наблюдается, хотя некоторые изыскания отметить необходимо. Например, в 1935 г. вышла монография С. Г. Струмилина о развитии черной металлургии в России, наибольший интерес в которой представляют главы по XIX – началу XX в. Исследователем был предложен единый показатель прогресса – средняя производительность рабочего за одну смену, так как он считал, что в этих данных обобщаются все важнейшие показатели состояния производительных сил, организации производства и труда.

Дальнейшее развитие получила *историография освободительного движения*. Причем именно при разработке данных проблем наблюдалась поляризация мнений. Достаточно ясно она просматривается при оценке жизни и деятельности А. Н. Радищева. В 1935 г. в «Материалах к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева» была высказана мысль о том, что Радищев допускал возможность преобразований «сверху», в чем проявилась его ограниченность. Одновременно Ю. Спасский и Г. Гуковский обосновывали мысль о последовательной революционности А. Н. Радищева. Таким образом, в исторической науке возникла «загадка» Радищева. Первую попытку ее решения предпринял в 1940 г. Г. П. Макагоненко, который попытался «снять» противоречивость отдельных глав «Путешествия...» предложением рассматривать книгу как единое целое, идея которого – развенчание возможности реформистского пути уничтожения крепостничества.

Крайне противоречива была трактовка сущности идейных течений 30-40-х гг. XIX в., особенно славянофильства. В 1941 г. по этому поводу в Институте истории АН СССР прошла дискуссия, инициатором которой стал С. С. Дмитриев. Он рассматривал славянофильство как выражение идеологии передовых помещиков. Однако далее постановки проблемы обсуждение не пошло.

3.3. Проблемы истории советского периода

История советского общества в исторической науке 30-х гг. не нашла адекватного отражения вследствие догматизации науки, полного господства идеологии сталинизма. Наиболее подробно освещались Октябрьская революция и отдельные проблемы первых лет советской власти. В 1935 г. вышел первый том «Истории гражданской войны», полностью посвященный 1917 г. Это был первый обобщающий коллективный труд.

Среди специальных вопросов первых лет диктатуры пролетариата наибольший интерес в 30-е гг. вызывали органы государственной власти – Советы. А. М. Панкратовой в 1934 г. были поставлены проблемы характера местных Советов, соотношения хода революции в центре и на местах и др. Однако наиболее детальная разработка истории Советов связана с именем В. Н. Аверьева, опубликовавшего во второй половине 30-х гг. целый ряд исследований на материалах центра России. Анализ первых мероприятий пролетарской диктатуры в промышленности в 30-е гг. был дан в работах М. Рубинчика, А. Бенедиктова (рабочий контроль), И. Михеева (национализация промышленности) и т. д.

Гражданская война и иностранная интервенция в 30-е гг. чаще всего рассматривались через призму событий в отдельных регионах страны. События в Поволжье с достаточной полнотой были представлены в работах Ф. Попова, М. Буденкова, А. Валеева, В. Хрулева, П. Софинова; деятельность Г. К. Орджоникидзе и С. М. Кирова на Северном Кавказе описал И. М. Разгон; борьбу с А. В. Колчаком показали Ф. Огородников, Е. А. Болтин; сражения на Южном фронте против войск Н. Врангеля попытались проанализировать А. И. Егоров, Галицкий, И. Филиппов, Н. Евсеев, В. А. Меликов и др. Особое внимание историки 30-х гг. уделяли регионам, в которых в годы гражданской войны бывал И. В. Сталин. Например, детально исследовалась оборона Царицына, в которой он принимал участие. Этим сюжетам посвящены монографии В. А. Меликова (1938 г.), Э. Б. Генкиной (1940 г.), многочисленные брошюры и статьи. Значительная литература освещала деятельность И. В. Сталина на северном фланге Восточного фронта – монографии А. М. Федорова, А. И. Гуковского, П. И. Пылаева, статьи П. Г. Софинова.

Нужно отметить, что в исторической науке 30-х гг. появился ряд беспринципных «придворных» историков. В качестве примера достаточно процитировать статью Е. М. Ярославского, опубликованную в журнале «Историк-марксист» за 1940 г. под красноречивым названием «Сталин – это Ленин сегодня»: «В самые трудные моменты в жизни молодого государства в период гражданской войны товарищ Сталин становится организатором снабжения продовольствием всего населения, а затем организатором и полководцем Красной Армии и проявляет в этом деле гениальнейшие способности. Он грудью защищает Страну Советов на всех фронтах» (Историк-марксист. 1940. – № 1. – С. 3). По мнению В. А. Куманева, низкопоклонство было особенно характерно для историков партии (Куманев, В. А. 30-е годы и судьбы отечественной интеллигенции / В. А. Куманев. – М., 1991. – С. 87).

В исторической науке этого периода отсутствуют сюжеты о НЭПе, однако в соответствии со сталинской идеей обострения классовой борьбы по мере продвижения вперед ее проявлениям было уделено достаточное внимание. Были предприняты шаги по изучению кронштадтского мятежа – книги О. Л. Леонидова (1939 г.) и К. Жаковщикова (1941 г.), анализировалась общая позиция контрреволюции – работы Л. Н. Бычкова, А. Филимонова и др.

В изучении процесса *индустриализации* основное внимание было сосредоточено на исследовании стахановского движения. Только за 1935-1940 гг. ему было посвящено 4 643 работы (Очерки истории исторической науки в СССР. – М. – 1985. – Т. 5. – С. 472). Большинство из них носило экономический характер, однако в некоторых имелись исторические

экскурсы. Стахановцам были посвящены книги А. С. Вайнштейна (1937 г.) и И. Н. Кузьмина (1940 г.).

В 30-е гг. историко-экономическая наука практически перестала заниматься осмыслением социально-экономического развития деревни. Были опубликованы только две историко-социологические работы: К. М. Шуваев на материалах деревень Березовского района Воронежской области сопоставил аграрное развитие до и после революции (1937 г.); Л. Е. Арина, Г. Г. Котов, К. В. Лосев провели аналогичное исследование по данным Мелитопольского района Запорожской области (1939 г.).

Анализ развития исторической науки в СССР в 30-е гг. позволил доктору исторических наук А. Н. Мерцалову охарактеризовать сущностные черты, с выделением которых нельзя не согласиться. Он пишет: «Уже в 30-е годы многие разделы исторической литературы были лишены научного содержания. Восторжествовали антитеоретичность, пренебрежение к методологическим, историографическим, источниковедческим исследованиям, фактографизм, беспроblemность, мелкотемье; сведение сущности явления к одной из его сторон (главным образом из апологетических и нигилистических побуждений), догматизм и цитатничество; подмена научного мышления обыденным, факта – мифологемой; персонификация и изгнание из прошлого народных масс; упрощенчество, черно-белая манера изображения; обращение к неразвитому интеллекту, к языческой культуре (культ Отца, воспевание жертвенности и пр.)» (История и историки. М., 1990. – С. 100).

Список источников и литературы

1. Артизов, А. Н. Критика М. Н. Покровского и его школы (К истории вопроса) / А. Н. Артизов // История СССР. – 1991. – № 1. – С. 102-120.
2. Артизов, А. Н. Николай Николаевич Ванаг (1899-1937 гг.) / А. Н. Артизов // Отечественная история. – 1992. – № 6. – С. 95-110.
3. Бабиченко, Л. Г. Письмо Сталина в «Пролетарскую революцию» и его последствия / Л. Г. Бабиченко // Вопросы истории КПСС. – 1990. – № 6. – С. 94-108.
4. Бестужев-Лада, И. В. Аморальность и антинародность «политической доктрины» сталинизма / И. В. Бестужев-Лада // История СССР. – 1989. – № 5. – С. 78-91.
5. Брачев, В. С. «Дело» академика Платонова / В. С. Брачев // Вопросы истории. – 1989. – № 5. – С. 117-129.
6. Вернадский, Г. В. Русская историография / Г. В. Вернадский. – М., 1998. – 448 с.
7. Волобуев О. История по-сталински / О. Волобуев, С. Кулешов // Суровая драма народа. Ученые и публицисты о природе сталинизма. – М., 1989. – С. 312-333.
8. Куманев, В. А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. – М.: Наука, 1991. – 296 с.
9. Маслов, Н. Н. «Краткий курс истории ВКП(б)» – энциклопедия культа личности Сталина / Н. Н. Маслов // Вопросы истории КПСС. – 1988. – № 11. – С. 51-67.
10. Медведев, Р. А. О Сталине и сталинизме / Р. А. Медведев. – М.: Прогресс, 1990. – 488 с.
11. Нильсен, Е. П. П. Милюков и И. Сталин. О политической эволюции Милюкова в эмиграции (1918-1943) / Е. П. Нильсен // Новая и новейшая история. – 1991. – № 2. – С. 124-152.
12. Сталин, И. В. О некоторых вопросах истории большевизма. Письмо в редакцию журнала «Пролетарская Революция» / И. В. Сталин // Соч. – Т. 13. – С. 84-102.
13. 1937 год. Институт Красной профессуры // Отечественная история. – 1992. – № 2. – С. 119-146.

14. Чапкевич, Е. Страницы биографии академика Е. Тарле / Е. Чапкевич // Новая и новейшая история. – 1990. – № 4. – С. 31-54.
15. Якушев, С. В. Центральный партийный архив в 30-е годы / С. В. Якушев // Вопросы Истории. – 1991. – № 4/5. – С. 25-33.

4. ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945 ГГ.)

4.1. Организационно-структурная перестройка исторической науки

Историографическая ситуация периода Великой Отечественной войны характеризуется определенным свертыванием научно-исследовательской работы и реорганизацией системы исторической науки в связи с условиями военного времени. Долгое время существовала традиция выделять в истории исторической науки времен войны два периода:

1) 1941 – середина 1943 г., когда в деятельности историков основное место заняла военно-патриотическая работа;

2) вторая половина 1943-1945 г., когда возобновилась научно-исследовательская деятельность.

В современной историографии данная периодизация подвергается корректировке, так как в годы войны научно-исследовательская работа, несмотря на определенные трудности, шла параллельно с военно-патриотической. Они, скорее всего, оказывали воздействие друг на друга. Военно-патриотическая деятельность строилась на прочной научной базе, а научно-исследовательская работа, прежде всего ее проблематика, определялась патриотическими задачами. А. М. Панкратова охарактеризовала их конкретное содержание: «Знание боевых традиций и героического прошлого народов нашей страны чрезвычайно важно и необходимо в настоящих условиях. Воспитание новых поколений в духе этих боевых традиций – одно из оружий, способных ускорить победу над врагом» (Исторический журнал. – 1942. – № 5. – С. 145).

С началом Великой Отечественной войны стала осуществляться перестройка системы исторической науки, составной частью которой явилась эвакуация исторических учреждений, вузов, архивов, музеев в восточные районы страны. Институт истории АН СССР был перебазирован в Ташкент и Алма-Ату, Московский университет – в Ашхабад, позднее – в Свердловск, объединенные Киевский и Харьковский университеты – в Кзыл-Орду.

В трудной обстановке первого года войны были созданы структуры, связанные со сбором материалов по истории борьбы с немецко-фашистскими захватчиками, которые стали составной частью реорганизованной исторической науки. В декабре 1941 г. по инициативе секретаря ЦК и МК ВКП(б) А. С. Щербакова при Московском комитете партии была создана Комиссия по истории обороны Москвы. В 1942 г. при АН была создана Комиссия по истории Великой Отечественной войны, во главе которой встали профессор, начальник Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александров и член-корреспондент АН СССР (позднее академик) И. И. Минц. Сотрудниками комиссии были Г. А. Богуславский, Э. Б. Генкина, И. М. Разгон, А. Л. Сидоров, П. М. Федосов и др. Комиссии по сбору материалов по истории войны были созданы также при ЦК ВЛКСМ, наркоматах, в армии и на флоте, в областях, краях и республиках. В 1943-1944 гг. такие комиссии были созданы в освобожденных районах.

Структура исторической науки в годы войны претерпела существенные изменения, связанные с расширением и специализацией сети исторических учреждений. В 1942 г. было признано целесообразным создать Институт славяноведения АН СССР, В 1944 г. – Институт истории искусства АН СССР. Тогда же была создана Археологическая комиссия Института

истории АН СССР. В 1943-1945 гг. были сформированы АН Узбекистана, Армении, Азербайджана, Киргизский филиал АН СССР с историческими отделениями.

В первые годы войны произошло некоторое сокращение изданий исторической периодики. Прекратился выпуск журналов «Красный архив», «Пролетарская революция», «Историк-марксист» был слит с «Историческим журналом». Однако при первой же возможности издание исторических журналов возобновлялось на новой основе. Так, в 1944 г. стали выходить «Известия АН СССР. Серия истории и философии».

4.2. Военно-патриотическая работа историков

Военное время поставило перед историками проблемы, связанные с военно-патриотической работой. Одно из ее направлений – научно-пропагандистская деятельность. Постановлением Президиума АН СССР в 1943 г. в освобожденные города (Смоленск, Курск, Харьков) были посланы лекторские группы, в составе которых были А. М. Панкратова, П. М. Дружинин, А. В. Ефимов и др.

Определенные изменения произошли в тематике исследований.

В ней были выделены акценты, связанные с борьбой России с иноземными захватчиками.

История *Древней Руси* продолжала привлекать внимание историков, лидером которых в данном направлении был Б. Д. Греков. В 1941 – начале 1942 гг. он подготовил новое издание монографии «Киевская Русь», дополнив ее главой «Военный строй Киевской Руси». В 1942 г. им же была опубликована книга «Борьба Руси за создание своего государства», в которой доказывалась мысль о начале процесса образования государственности у восточных славян в VI в., когда сложился большой военный союз восточнославянских племен во главе с дулебами.

В 1942 г. исполнилось 700 лет со дня *Ледового побоища*. Этому событию были посвящены научные сессии, выставки, многочисленные публикации историков. Достаточно активно выступали Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров и др. Ими была показана картина немецкой агрессии против русских земель и Прибалтики в XII – XIII вв., раскрыто значение разгрома крестоносцев. Особое внимание при этом было уделено жизни и деятельности Александра Невского.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.